

17

На правах рукописи

Еремеева Светлана Анатольевна

ПРИЮТИНСКОЕ БРАТСТВО КАК ФЕНОМЕН
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Москва – 2007

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета

Научный руководитель

доктор исторических наук,
профессор Г.И.Зверева

Официальные оппоненты:

доктор философских наук,
профессор Г.М.Пономарева
доктор исторических наук,
профессор А.Д.Степанский

Ведущая организация:

Центр интеллектуальной истории
Института всеобщей истории РАН

Защита состоится "19" *марта* 2007 г. в..... часов на заседании диссертационного совета Д.212.198.06 в Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке университета по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, д.6.

Автореферат разослан

"16" *февраля* 2007 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

кандидат культурологии

Е.Г. Лапина-Кратасюк

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы. В середине 80-х годов XIX века в стенах Петербургского университета сложился кружок, назвавший себя Приютинским братством. Он включал в себя вчерашних студентов и будущих ученых – Д.И. Шаховского (1861-1939), В.И. Вернадского (1863-1945), Ф.Ф. Ольденбурга (1861-1914), С.Ф. Ольденбурга (1863-1934), И.М. Гревса (1860-1934), А.А. Корнилова (1862-1925). Появление подобного союза было вполне типичным для своего времени и места. Однако нетипичная долговременность его существования и общность судьбы его участников заставляют отнестись к нему с особым вниманием. Всей своей жизнью члены братства продемонстрировали способ существования в значительной мере независимый от социальных катаклизмов и власти. Возникшее в русле общей тенденции поиска выхода из системного мировоззренческого кризиса интеллигенции конца XIX века, Приютинское братство на общий вопрос дало свой ответ.

В области своей профессиональной деятельности члены братства проявили себя не просто как незаурядные ученые. Их отличало своеобразие отношений с наукой: широта интересов, недогматичность сознания, умение переключаться не просто с одной проблемы на другую, а уходить под влиянием внутренних или внешних причин в смежные (иногда и вовсе ненаучные) области, а затем снова возвращаться к прежним занятиям, активное вовлечение в поле своих интересов окружающих, сохранение творческого потенциала до глубокой старости.

Актуальность изучения именно этого локального опыта задается уже его принадлежностью к тому многообразию культуры соответствующего периода России, который еще недавно представлялся лишь в парадигме борьбы революционного и реакционного. Но дело не только в принадлежности Приютинского братства определенному контексту. Объединения представителей интеллигенции на началах, декларируемых как общинные, не единичны в это время. Но Приютинское братство представляет собой единственный известный нам пример конструирования подобного типа отношений в ситуации, когда члены братства остаются в своей профессиональной деятельности интеллектуалами, добивающимися значительных успехов в научной работе и карьере. Подобный способ построения межличностных отношений среди людей науки и взаимовлияние профессионального и жизненного контекста

представляет интерес для понимания того интеллектуального пространства, в котором формируется продуктивное научное мышление.

Объектом исследования является Приютинское братство – дружеский союз интеллектуалов, ставший для своих членов жизнестроительным объединением, и потому определяющий необходимый контекст разговора о персоналиях, значимых для истории и культуры России. Личная жизнь человека является одной из специфических форм культурного творчества: «Наряду с искусством, наукой, политикой, философией и прочими формами нашей культурной жизни существует, очевидно, в некоей структуре духа некая особая область, как бы отграниченная, специфическая форма творчества, содержание которой составляет не что иное, как личная жизнь человека»¹. Это жизненное творчество проходит у членов Братства в автономном эмоциональном и духовном пространстве, которое они сами создают для себя. Реконструкция этой сферы межличностного общения оказывается в центре внимания данной работы.

Приютинское братство существовало как идеальная структура, коллективная (общая) по определению, проявляющаяся в пространстве общения. Но то, что оно складывалось как сообщество интеллектуалов, во многом задает ракурс рассмотрения объекта. Предметом исследования является связь Братства с интеллектуальной культурой своего времени. Члены Братства привыкли продумывать жизнь, рассматривая и окружающий мир как предмет для осмысления. Но их размышления принадлежат определенному мыслительному пространству с определенными параметрами. «У мировых идей бывает специфическая местная окраска, при всей важности межкультурного обмена и перевода они, мигрируя из одной культуры в другую, получают или теряют те или иные свои черты и/или по-разному развиваются на старой и новой почве. Таким образом, вопрос об интеллектуальной культуре, культуре мышления той или иной страны (или эпохи, социальной группы и т.д.) оказывается оправданным»². Подходя к Приютинскому братству с этой точки зрения, нужно отметить, что интеллектуальная культура включает в себя не только способ мыслить (как), но и что мыслят – каталог тем с определенными приоритетами, и тех, кто мыслит, интеллектуалов, занимающих определенное место в общественном мнении и самооценке. Соотношение общего, группового и индивидуального способов присутствия в мыслительном пространстве плодотворны для реконструкции смысла и истории Братства.

¹ Винокур Г.О. Биография и культура // Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. – М.: Русские словари, 1997. – С.18.

² Зенкин С.Н. Введение // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре. – М.: НЛО, 2005. – С.5.

Цель исследования – проанализировать опыт построения межличностных отношений в интеллектуальном сообществе, именующим себя Приютинским братством. Для достижения этой цели необходимо было решить следующие задачи:

- установить социокультурный контекст, в котором формируется Приютинское братство;
- исследовать историю возникновения и возможные трансформации Приютинского братства;
- реконструировать модель Приютинского братства на момент его становления, выявить «коннективную» (связующую) структуру братства в разные моменты его существования и описать элементы системы отношений внутри Приютинского братства;
- определить характер связи Приютинского братства с «внешней» (прежде всего профессиональной) деятельностью его членов, место идеи братства в интеллектуальной культуре своего времени и место Приютинского братства в социальной культуре своего времени.

Степень разработанности темы исследования. Каждая из интересующих нас фигур по отдельности в большей или меньшей степени обеспечена биографической и исследовательской литературой. В большей, очевидно, В.И.Вернадский, в меньшей, столь же очевидно, Ф.Ф.Ольденбург. Исследовательская литература, как правило, относится к нескольким последним десятилетиям. Д.И.Шаховской был репрессирован, С.Ф.Ольденбург умер в опале, А.А.Корнилов стойко ассоциировался с либеральным движением, И.М.Гревс был одним из многих "старых профессоров", которых помнили только ученики; даже имя Вернадского до середины 60-х годов не было пропагандируемым. Это были фигуры не то, чтобы враждебные власти, но очевидно не вписывающиеся в канон. Они не были, вероятно, официально или неофициально запрещены, их просто как бы не было. Достаточно слабая разработанность каждой фигуры (за исключением Вернадского и Корнилова) подтверждается тем, что большинство публикаций о них носят очень частный характер.

Д.И.Шаховской описывается обычно или как общественный и политический деятель (будь то работа в земстве, либеральное движение, участие в I Думе, кооперативное движение), что позволяет дать вариант линейной и последовательной его биографии, или, гораздо реже, как исследователь творчества и философии Чаадаева. Публикации о нем стали появляться лишь в 1990-х гг. и монографических работ, посвященных Шаховскому, не существует. В 2002 году вышел том его статей и писем периода становления братства, однако письма откомментированы очень скупо, а большая

вступительная статья носит не исследовательский, а компилятивный характер.

С.Ф.Ольденбург характеризуется как ученый-востоковед или как неперменный (и бессменный в течение 25 лет) секретарь АН, в этих двух измерениях и описывается обычно его биография. Единственный пример комплексного исследования – свежая монография Б.С.Кагановича об Ольденбурге, заявляющая себя в самом названии как опыт биографии. Но она построена в основном на материалах, собранных второй женой С.Ф.Ольденбурга Е.Г.Ольденбург, весьма пристрастно относившейся к первой половине жизни своего мужа и к его друзьям: поэтому Приютинскому братству там не уделено много внимания.

И.М.Гревсу посвящены работы, представляющие его, прежде всего, как профессора университета, для многих ставших учителем не только истории, но и жизни (лучшей и наиболее полной из этих публикаций до сих пор остается полувекковой давности очерк Е.Ч. Скржинской), или как историка-урбаниста и краеведа. Совсем недавно появилась посвященная Гревсу книга весьма неопределенного жанра (автор-составитель О.Б.Вахромеева): книга-коллаж – огромная по фактическому материалу и носящая иллюстративный характер.

А.А.Корнилову повезло больше: посвященная ему монография А.А.Левандовского, вышедшая в 1982 году, и вступительная статья того же автора в переизданном в 1993 году (после 75-летнего перерыва) «Курса истории России XIX века» А.Корнилова, демонстрируют целостный подход к личности героя, в котором трудно отделить историка от общественного деятеля и политика от исследователя: все это оказывается не отдельными ипостасями, а гранями одной и той же личности

В.И.Вернадский, как самая известная фигура, обеспечен литературой лучше всех других «приютинцев». Существует несколько более или менее популярных и более или менее научных его биографий. Одно из самых интересных исследований принадлежит американскому профессору Бейлсу. Бейлс, много работавший в советских архивах, знает про Приютинское братство, упоминает его, но особого значения ему не придает. Тем интереснее, что Бейлс предлагает сопоставление Вернадского и Бахтина как людей свободного диалога, в котором вырабатывается собственное мнение каждого: в этом он видит их противоречие монологичной советской системе, где доминирующим был голос власти.

Личность Вернадского предстает в разных контекстах: смена их зависит от нужд того или иного времени и порождает соответствующие публикации из его обширного и разнообразного наследия. В 1980-е годы он был востребован пробуждающимся экологическим сознанием, в конце 1980-х-начале 1990-х оказался

одним из представителей русского космизма, в сер.90-х стал преобладать интерес к политической и общественной позиции ученого.

Наибольший интерес для нас представляют, несомненно, работы, где члены Приютинского братства (вне зависимости от того, упоминается ли это слово или нет) представлены принадлежащими некой общности. Первой по времени такой работой была статья А.А.Левандовского 1977 года, в которой автор впервые зафиксировал такой культурный феномен, как кружок духовно близких людей, ориентированный на общественную деятельность. Проследившая эволюцию кружка, Левандовский доходит как раз до образования братства, но, в соответствии с заявленной темой, ограничивается характеристикой его как одного из источников русского либерализма. Спустя 15 лет тот же автор приходит к более определенным выводам относительно роли братства в жизни его участников: «Наиболее яркие из них, однако, не растворились в русском либерализме, составив в нем особую общность, которую они сами называли “братством”. Целями “братства” были “взаимопомощь и постоянное духовное взаимодействие” его членов. И, действительно, Корнилов, Шаховской, братья Ольденбурги, Вернадский до конца жизни сохраняли и поддерживали очень трогательные отношения друг с другом, которые нельзя назвать просто дружескими. Принадлежность к “братству” во многом определила судьбу каждого из них...»

В 1980-е годы на кружок обратили внимание другие исследователи, занимавшиеся отдельными персоналиями. Частые упоминания, становящиеся общим местом, свидетельствуют о том, что факт наличия братства был зафиксирован.

Наконец, в 1988 году появилась статья Г.П.Аксенова, посвященная непосредственно Братству как «яркой странице в истории науки» и как «характерному проявлению духовной жизни русской интеллигенции». И хотя автор понимает Братство больше как внешнюю структуру, характерно признание ценности этого образования: «Братство осталось редким опытом социальной жизни русской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв.» Тогда же в первый раз прозвучал казавшийся парадоксальным вывод о связи Приютинского братства и учения о ноосфере Вернадского.

Аргументированная концепция Братства, обоснованная богатыми архивными источниками, появилась в 1990 году в статье В.М. Борисова, Ф.Ф. Перченка и А.Б. Рогинского. По мнению авторов, ситуация Братства была уникальной во многих отношениях: это касалось и стихийного создания «в процессе постоянного этически окрашенного и социально ориентированного общения» общего интеллектуального фонда.

К мысли о связи Братства и идеи ноосферы Ф.Ф.Перченко возвращался и позже, но самой заметной работой по Приютинскому братству стала точно подобранная и блестяще откомментированная публикация 1992 года из архива Д.И.Шаховского «Письма о братстве» (Ф.Ф.Перченко, А.Б.Рогинский, М.Ю.Сорокина). В предисловии подчеркивалась социальная ориентированность братства – «прежде всего их волновали поиски живого конкретного общего дела, которое они могли бы делать вместе – немедленно, сейчас». Однако цементирующей силой для этой группы людей все-таки признавалась именно особая внутренняя духовная связь.

В 1990-е годы появляются важные для нашей темы статьи Б.С.Кагановича, одна из которых непосредственно посвящена братству.

С увеличением количества публикаций все очевидней отсутствие единства мнений по поводу Братства – сроках его существования и влияния на жизнь и судьбу каждого участника. А.В.Лубков для своей богатой по материалу, но, к сожалению, не слишком тщательной архивной публикации, отбирает, в соответствии с замыслом, ранние письма, и вопрос о длительности существования Братства не поднимает. С точки зрения О.Б.Вахромеевой Братство оказывается локализовано в промежутке 1884-1889 годов, хотя сам же приведенный ею материал этому противоречит. Совсем другую позицию занимает Т.Г.Лобова в статье о Д.И.Шаховском, считающая Братство ключом к пониманию личности и судьбы своего героя в целом.

Ощущение многообразия и неопределенности не только временных рамок, но и тех культурных контекстов, в которых Приютинское братство существовало, остается неизменным. Это очевидно, например, при обращении к книге И.А.Гордеевой, которая упоминает Приютинское братство в контексте коммуитарного движения, но места ему там определить не может. То есть в поле зрения гуманитарного знания Приютинское братство как феномен уже, несомненно, попало. Но предметом специального анализа пока еще не стало.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что относительно герметичное интеллектуальное сообщество, построенное на принципах мировоззренческой близости, общей картины мира и науки, создавая место идентификации, дает возможность продуктивной и долговременной научной работы в сравнительной независимости от внешних обстоятельств. Этому способствует ориентация в принятии решений на референтную группу (Братство), а не на более широкие и далекие контексты социальной и политической действительности. А поддерживающей и порождающей средой в этом случае оказывается особое

коммуникативное поле, постоянно создаваемое и возобновляемое членами сообщества.

Источниковая база. Характер поставленных задач, во многом связанных с проблемами межличностных отношений, определяет обращение к источникам личного происхождения: переписке и мемуарам. По мере необходимости использовались также и печатные работы членов Братства.

Для раннего периода истории Братства приоритетным источником является переписка между его участниками. При этом надо отметить, что переписка – не эрзац живого общения (хотя на нее во времена становления братства так смотрят иногда и сами корреспонденты); она переводит общение в какой-то другой модус, фиксирующий порой неочевидные стороны обсуждаемых вещей – что делает ее привилегированным материалом для исследовательского анализа. Нужно иметь в виду, что в переписке раннего времени Братства (1885-1895) важны не только задаваемые Братству параметры – каким оно должно быть, но и сам факт вынесения Братства в зону будущего: обсуждаемая модель носит перспективный характер.

Для времени зрелого Братства релевантным материалом представляется мемуаристика, позволяющая выстроить ретроспективный образ братства. Воспоминания оказываются полем конструирования не только другого, но и себя; мемуары становятся способом самопознания и дают возможность подведения неких итогов на пути строительства личности. Сам же процесс этого строительства фиксируется в биографии (как истории индивидуальной жизни личности) человека, представляющей собой идентификацию самого себя во времени и обстоятельствах.

Помимо опубликованных писем и мемуаров членов братства, была использована также неопубликованная переписка членов братства, из архивных фондов В.И.Вернадского (АРАН. Ф.518), С.Ф.Ольденбурга (ГАРФ. Ф.581), Д.И.Шаховского (ГАРФ. Ф.635), Г.В.Вернадского (ГАРФ. Ф.1137), А.А.Корнилова (ГАРФ. Ф.5102).

Теоретические основы исследования. Ж.Батай выявил оппозицию двух способов отношения к действительности: внутреннего опыта и проекта. Первый соотносится с бытийными, ценностными структурами и проявляется на уровне мировоззрения, второй – с решением актуальных проблем и осуществляется на уровне действия. Внутренний опыт использует проекты и отчасти реализуется в них, но понимает их ограниченность. Это два уровня существования, различные по глубине. Ж.Батай предполагает возможность сообщества, главным объектом которого является опыт. «Не может быть ни познания без сообщества исследователей, ни внутреннего

опыта без сообщества тех, кто им живет. Но сообщество следует понимать при этом в ином смысле, нежели оно понимается в Церкви или в ордене. Индийские саньясины имеют между собой гораздо меньше формальных связей, нежели «исследователи» Хайдеггера. И все же присутствие, определяемой в них йогой, ни в чем не уступает присутствию сообщества, сообщение – это не то, что добавляется к присутствию, это то, что его составляет»³. По нашему мнению, именно этот редкий тип отношений и представляет Приютинское братство.

Найти основания связи Приютинского братства – то, что делает его не собранием, а сообществом, – значит зафиксировать одну из основных его характеристик. Тесная внутренняя связь, к которой стремились члены братства, нуждалась в некоем порядке поддержки – в том, что называется связующей (коннективной) структурой. Это понятие вводит немецкий историк Ян Ассман, определяя коннективную структуру как способ установления связи внутри определенной культуры. Коннективная структура имеет два измерения: социальное и временное – оба они создают контекст идентичности. «Как "символический мир смысла" (Бергер/Лукман) она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации [...]. Но она связывает также вчера и сегодня, формируя и удерживая в живой памяти существенные воспоминания и опыт, сдвигая в сдвигающийся вперед горизонт настоящего образы и истории иного времени и порождая тем самым надежду и память. [...] Оба аспекта: нормативный и нарративный, аспект поучения и аспект рассказа создают принадлежность, или идентичность, дают отдельному человеку возможность говорить "мы". То, что связывает индивидуумов в такое "мы", и есть "коннективная структура" общего знания и представления о себе, которое опирается, во-первых, на подчинение общим правилам и ценностям, во-вторых, на сообща обжитое прошлое»⁴.

Приютинское братство может быть адекватно описано в этих двух взаимосвязанных системах координат.

Первая структура связи – социальная (мир смысла, нормативный аспект, организованное настоящее) наиболее ясно проявляется в период становления братства и декларируется в перспективных построениях, чему посвящена обширная переписка членов братства.

³ Батай Ж. Внутренний опыт / Пер. с франц., послесловие и комментарии С.Л.Фокина. – СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. – С.56.

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности/ пер. с нем. М.М.Сокольской. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С.15-16.

Вторая – временная – структура связи (нарративная, переосмысленное прошлое), фиксируется в воспоминаниях.

Я.Ассман воскрешает теорию социального конструирования памяти, предложенную французским социологом первой половины XX века М.Хальбваксом: память, которая по природе своей коллективна и социальна, живет в процессах коммуникации (соответственно, в группе) и прекращается вместе с прекращением коммуникации. Связь между группой и памятью носит обязательный характер, и поскольку она не может быть передана произвольно, то «кто участвует в ней, свидетельствует тем самым свою принадлежность к группе. Поэтому ей свойственны не только пространственная и временная конкретность, но и, если можно так выразиться, идентификационная конкретность»⁵. Постолюку, поскольку человек обладает сознанием и воображением и живет в мире с определенными параметрами, он склонен использовать свое прошлое для утверждения этого мира: «Хальбвакс... утверждал относительно прошлого: оно является социальной конструкцией, формируемой духовными потребностями и контекстом каждого данного настоящего. Прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества»⁶. Таким образом, исследование конструкции прошлого дает возможность ответить на многие вопросы, касающиеся не внешней истории, а содержания предмета, препарируемого памятью.

Ассман «работает» с большими по объему общностями людей и долговременными пространствами памяти, но, похоже, его наблюдения оказываются точными и для микрогрупп с соответствующей им "микропамятью". Именно в процессе коммуникации в Приютинском братстве вырабатываются смыслы и ценности, которые приобретают статус безусловных, в два этапа становясь прошлым: сначала как прошлое, которое существует до поры до времени в неформальном потоке настоящего и как «живое воспоминание», не требующее определенной фиксации, затем как общезначимое прошлое мемуаров, претендующее на вхождение в культурную память своего времени. Мечты о Приютинском братстве спустя несколько десятков лет оборачиваются воспоминаниями о нем. Эти две проекции: в будущее и прошлое – совпадают между собой далеко не во всем. Ретроспективный образ, формирующийся через механизмы памяти, сложнее и неоднозначнее, чем первоначальная «перспективная» модель. Но сходства и различия между ними позволяют выделить постоянные и меняющиеся элементы структуры.

⁵ Ассман Я. Цит. соч. С.41.

⁶ Там же. С.50.

Приютинское братство складывается как место формирования идентичности своих членов. Эта идентичность носит идеальный и умозрительный характер – она возникает из конструируемых представлений о должном, из совместно вырабатываемых норм, следование которым и определяет возможность членства в Братстве. Поэтому для описания самого феномена очевидно необходимо выяснение тех параметров, которые оказываются его внутренним каркасом.

Научная новизна исследования состоит в опыте целостной реконструкции основ и истории становления Приютинского братства с использованием неопубликованных источников, впервые вводимых в научный оборот.

Сравнение двух систем описания объекта – «перспективной» и «ретроспективной» – позволяет выявить сущностные характеристики объекта и проследить их развитие во времени. Построение такой «динамической» модели может оказаться продуктивным для исследования интеллектуальных сообществ, учитывая сложность фиксации параметров, относящихся к сфере представлений и ценностей, не закрепленных в однозначных формулировках и предписаниях.

Теоретическая и практическая значимость работы. Подходы, базирующиеся на концепциях М.Хальбвакса и Я.Ассмана, продемонстрировали свою функциональность на материале России к. XIX – н. XX вв. При этом применение гипотезы Я.Ассмана о культурной памяти к другому уровню социума, уровню микрогруппы, показало возможность и перспективность такого использования. Подобный ракурс прочтения мемуарных материалов делает достижимой реконструкцию не только событийной истории, зафиксированной в воспоминаниях, но и взаимоотношений авторов и героев воспоминаний в разные периоды времени.

Результаты исследования могут быть использованы в исследованиях по истории культуры и истории науки России XIX - XX вв., а также при разработке лекционных курсов по истории культуры и истории науки России, учебных и методических пособий и пр. Кроме того, опыт Приютинского братства в той или иной мере может быть учтен при создании научных исследовательских групп.

Апробация результатов исследования. Изложенные в диссертации основные положения и результаты исследования нашли отражение в публикациях автора и выступлениях на научных форумах и конференциях, таких как научно-теоретическая конференция «Искусство как сфера культурно-исторической памяти» (РГГУ, 2004), всероссийская научная конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики» (КГУ, ИВИ РАН, РОИИ, Казань, 2006) и др.

Работа также обсуждалась на кафедре истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета в 2006 г.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Приютинское братство было не только дружеским союзом людей одного поколения, но и жизнестроительной структурой, внутри которой вырабатывались основные личностные ценности его членов. Братство не регламентировало характер социальной и научной деятельности его членов, но задавало границы возможного и невозможного и определяло отношение к этой деятельности. Связующей структурой Братства было особое коммуникативное поле, постоянно создаваемое и возобновляемое членами этого сообщества, выраженное не только в личном общении, но и в таких практиках письма как переписка и воспоминания;
2. Приютинское братство оформилось как герметичное автономное сообщество, построенное в первую очередь на принципах мировоззренческой близости, общей картины мира и науки. Оно создало место для личностной идентификации, и оказалось местом формирования референтной группы, оказывающей влияние на принятие жизненных решений;
3. Идея Приютинского братства по природе своей утопична, но это тот случай, когда утопическая форма сознания является продуктивной, а утопия самосовершенствования личности – реализованной;
4. Приютинское братство принадлежит своему времени и культуре по поставленным задачам и способам их описания, но оно уникально по их решению. Опыт братства невозможно репродуцировать, как невозможно репродуцировать межличностные отношения в отличие от социальных институтов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, насчитывающего более 200 пунктов, и приложения.

II. Основное содержание диссертации

Первая глава, «Приютинское братство: возникновение сообщества», посвящена Приютинскому братству как социальному образованию. Приютинское братство описывается с внешней стороны – как явление, существовавшее в определенном социокультурном контексте, и изнутри – с точки зрения его участников, пытающихся определить значение и смысл Братства для себя.

Первый параграф, «Братства в России к. XIX - н. XX вв.: многообразие возможностей», представляет существовавшие в это время в культуре России опыты братских объединений. Во-первых, это братства религиозные, возникавшие на проблемных с точки зрения православия территориях: с сильным влиянием католичества и унии, старообрядцев, сектантов, язычников. Во-вторых, это братства мирские, появившиеся в рамках коммунитарного движения (альтернативного проекта общественного устройства, основанного на жизни в общине). Российский коммунитаризм вылился в весьма специфический социальный опыт организации земледельческих «интеллигентных общин», призванных решить, прежде всего, этические проблемы их насельников. Братства же как форма организации представляют собой (при общих причинах возникновения) более строгие по обязательствам и более закрытые структуры, чем общины. Расцвет «братского движения» приходится на кризисные постреволюционные годы, когда в эмиграции братства становятся «конуркой духовной», а в России – центрами поддержки друг друга и гонимого православия.

Во всех этих случаях братство понималось как особая духовная среда, дающая возможность своим участникам жить по тем принципам, которые они находят истинными. Это касается не только личной практики следования определенным этическим формулам, но и подразумевает попытки построения реальной общей жизни, соответствующей избранной этике.

Во втором параграфе, «Становление Приютинского братства», произведена реконструкция начального этапа Приютинского братства на основании анализа понимания слова и формирования образа братства в представлениях его участников, приводящая к выводу, что уже Приютино (хронологически предшествующая Братству форма самоорганизации) при попытках его осуществления, было не место, а ситуация и ситуация вполне конкретная. Становление самого Братства опирается на программный документ – письмо Д.И. Шаховского «Что нам делать и как нам жить» (1886). В своем письме Шаховской обозначает место Братства среди существующих объединений как новый опыт, противопоставленный и опыту существующих

радикальных движений, направленных на пересоздание мира и изменение внешних условий, и индивидуалистической концепции личности, исповедуемой интеллигенцией. Задачей Братства объявляется пересоздание своих членов путем внутреннего изменения, хотя способы решения этой задачи неочевидны.

Переписка членов Приютинского братства раннего периода показывает постоянные попытки установить некие константы понимания, и свидетельствует о том, что в первое время образования Братства главная работа его членов происходит внутри самого Братства; она направлена на выработку концепции идеальной личности, которая должна послужить образцом в дальнейшей жизни. Группа концентрируется не вокруг цели, а вокруг определенных (точнее, неопределенных, но интуитивно принимаемых и разделяемых) представлений о человеке. Это выдает сугубо субъективную природу Братства, определяющую его способ существования и характерную особенность: оно может быть и не быть одновременно, воплощаясь и развоплощаясь в сознании его участников (и необязательно одновременно), существуя вне и помимо конкретных дел, которые сопутствуют практике Братства, но не являются целью его. Пытаясь уточнить наполнение слов «Приютино» и «Братство» для членов Братства, мы разбираем представления о братстве на основании писем 1887 года, когда все корреспонденты отвечали на один набор вопросов по поводу Братства и Приютина. Разброс мнений по поводу конкретного устройства будущей жизни позволяет, во-первых, вычленить моменты влияния существующего культурного опыта на отдельных членов Братства, а во-вторых, констатировать возможность существования самого Братства в поле противоречивых представлений его членов.

В *третьем параграфе*, «Переписка как способ организации сообщества», описывается роль переписки в создании внешней связи, объединяющей членов Братства. Переписка, понимаемая не только как замена личного общения в силу физической удаленности членов Братства друг от друга, но и как труд – социальный, душевный и духовный – объявляется главным делом Братства в период его становления. В переписке вырабатываются и закрепляются те нормы и ценности, которые и составляют основу социальной идентичности «приютинцев». Переписка оказывается материальным выражением той связующей («коннективной» по Ассману) структуры, которая даст возможность Братству существовать многие годы.

Будучи распространенной культурной практикой своего времени, переписка как замена живого общения могла бы представляться эквивалентом бесконечных разговоров интеллигенции о жизни, привычку к которым фиксируют как свидетели, так и исследователи, например, коммунитарных общин. Но в Приютинском братстве

переписка выполняет именно роль инструмента строительства отношений, что подтверждается ее регламентированным и принудительным характером, а также статусом безусловной ценности в глазах членов Братства. Рефлексия периода становления Братства по этому поводу специально рассмотрена на примере переписки четы Вернадских, а понимание переписки как адекватного материала для описания личности и межличностного общения во времена зрелости Братства показано на материале книги А. Корнилова.

Во *второй главе*, **«Реализация идеи Приютинского братства: структуры отношений»**, Братство описывается с точки зрения каждого из его членов, размышляющих о внутренних основаниях Братства и о связи его с внешним миром. Система отношений, названная Приютинским Братством, строилась группой молодых людей осознанно и последовательно. Период строительства Братства совпал по времени с процессом их социализации и выходом в «настоящую» жизнь. И эти два практически одновременных и пересекающихся движения определили жизнь вчерашних студентов на много лет вперед.

Формулирование смысла Братства происходило в развитие и в противопоставление идеи Приютина – именина для летнего отдыха и общения, которое предполагалось купить в складчину. *Первый параграф*, **«От Приютина к братству»**, позволяет уточнить координаты этого движения для каждого из членов Братства и выделить общее и индивидуальное в развитии идей.

Второй параграф **«Идейно-семейный союз»** акцентирует внимание на одном из принципиальных отличий Приютинского братства от Приютина: это характер Братства как идейно-семейного союза, что с необходимостью ставит вопрос об отношениях между мужчинами и женщинами, а также родителями и детьми в этом союзе.

В *третьем параграфе*, **«Проблема “настоящей жизни”**», рассматривается связь этического и социального контекстов для членов Братства. Братство – структура достаточно определенная и даже принудительная по отношению к личности каждого из его участников, но удивительно гибкая по отношению к ним же, как к представителям социума. Братство формирует представления о должном, но при этом не указывает сферу их применения. Все участники имеют возможность остаться при университете, но не все этой возможностью пользуются: выбор научного поприща – лишь одна из сознательных альтернатив, основанных не столько на внутреннем ощущении призвания, сколько на интуитивном признании науки вероятным местом наиболее полной реализации себя. Наука – это способ помыслить человечество

вообще, помыслить широко и свободно, причем убеждение в том, что это – уникальная возможность с течением времени у посвятивших себя науке лишь укрепляется и передается другим членам Братства.

Третья глава, «Трансформация образа Приютинского братства: структуры памяти», посвящена изучению процесса кристаллизации смысла Братства и создания новой (временной) связующей структуры Братства для повзрослевших и социально определившихся его членов. Состоявшие люди вновь подтверждают статус Братства как места создания своей идентичности и актуализируют прежние смыслы его через общее припоминание и фиксацию его в воспоминаниях, написанных и опубликованных в 10-е годы XX века.

Формирование желанного прошлого как идеальной модели оказывается необходимым моментом трансформации живого воспоминания (разделяемого группой переживания) в культурную память, имеющую значение и для тех, кто в рамки непосредственной причастности этому воспоминанию не входит. Коммуникативная память – память поколения – оказывалась уже недостаточной связью, и мемуары как определенная культурная практика переводили часть прошлого в новый регистр – регистр мифа начала. Само Приютинское братство при этом представлялось как несомненная культурная ценность.

Прошлое всегда работает на настоящее, и сам факт появления мемуаров Приютинского братства свидетельствовал о жизнеспособности идеалов и надежде их распространения. Непосредственный анализ воспоминаний Д.И.Шаховского, В.И.Вернадского, А.А.Корнилова и И.М.Гревса, которому посвящен *первый параграф, «Воспоминания: общие места»,* дает возможность выделить тот комплекс событий и мотивов, который представлялся обязательным для понимания Братства.

Проецируемая из настоящего в прошлое оценка несомненно подтверждает, что «настоящая жизнь» состоялась: по мере выхода мемуаров это становится все более очевидным. Общая память формируется постепенно, и наиболее полный ее вариант можно увидеть в последних по времени написания воспоминаниях Гревса. Здесь становятся очевидными некоторые принципиальные моменты, лишь обозначенные в предыдущих опытах. Гревсом сформулирована и формула «особости» Братства: причастность науке и «идейный интерес».

Ретроспективный образ Приютинского братства становится предметом анализа *во втором параграфе, «Общее прошлое – условие общего настоящего».* Этот образ закрепляется нарративом мемуаров и создает миф начала, с одной стороны, а с другой – дает новый вариант связующей («коннективной») структуры: членов Братства

теперь связывает согласованное и конвенциональное общее прошлое. Воспоминания создаются в очередной переломный момент жизни членов Братства и адаптируют прошлое к новой действительности и новому опыту. Это не только обращение к прошлому, это и осмысление последних 25 лет.

Различия между ретроспективной и «перспективной» версией событий дают возможность зафиксировать константные и преходящие элементы братства.

Создание воспоминаний о Приютинском братстве, выявившее возможность трансформации образа и оформления его в иной риторике, показало, насколько это Братство для его членов являлось реальным. Воспоминания заменяют в определенный период традиционные ритуальные формы коммуникации и оказываются связующим звеном между двумя периодами деятельности жизни Братства. К новому моменту активности, к 1920-м годам, члены Братства приходят с общим согласованным прошлым, а значит – с общим пониманием ценностей и приоритетов.

Третий параграф, «Идея братства как утопия человеческой самореализации», определяет мыслительное пространство, в котором существует братство, – пространство утопии: в интеллектуальной культуре России интересующего нас времени несомненно присутствует утопия – и как одна из своеобразных форм общественного сознания, и как способ мышления. И рассмотрение основ братства с этой точки зрения представляется продуктивным.

Опыт Приютинского братства остается единственной известной нам попыткой реализации подобного типа межличностных отношений именно в поле интеллектуальной культуры. Однако социальные эксперименты подобного рода, реализованные прежде всего в коммунистическом движении, дают полный список проблем, с которыми утопическое сознание сталкивается в реальности. И список этот оказывается неожиданно показательным для Приютинского братства. Именно на фоне многочисленных неудач создания интеллигентских общин успех Приютинского братства, действительно создавшего среду для возрастания личности и реализации ее в научном творчестве, оказывается очевидным. Однако этот опыт остался известным лишь очень узкому кругу лиц.

Интеллигенты, уходившие в поисках смысла жизни в земледельческие общины, отказывавшиеся от главной задачи интеллигенции – «осмысливания жизни» (Д.И. Шаховской), становились маргиналами в поле интеллектуальной культуры. Члены Приютинского братства, реализовавшие свои представления об устройстве мира, оставаясь в сфере науки, становились профессионалами, интеллектуалами в современном смысле слова. Они оставались в границах своего времени – их отличал не

столько другой (по сравнению с современниками) набор культурных форм, сколько другая иерархия, точнее, другое распределение их в мыслительном и ценностном поле. Но одновременно они и выходили за границы времени: в своем понимании того, что человек свободен прежде всего в пространстве мысли, а социальная ниша пространства мысли – наука. Пытаясь соответствовать доминирующим представлениям о необходимости социальной работы, распространенным в среде интеллигенции, члены братства надолго уходили в политическую и общественную деятельность, но, в конце концов, неизбежно возвращались в науку – в ту среду, в которой Приютинское братство обеспечивало эффективность существования своим членам.

Таким образом, структура данной работы определяется ракурсом рассмотрения Приютинского братства в контексте интеллектуальной культуры своего времени. **Первая** глава сосредоточена на проблеме: что мыслится. **Вторая** глава посвящена тем, кто составляет Братство, кто мыслит и в соответствии со своими замыслами строит его. В **третьей** главе отслеживается процесс постепенной кристаллизации смыслов Братства, закрепленных в воспоминаниях. Описание того как, каким образом мыслится предмет дает представление о его месте не только в жизни участников Братства, но и в интеллектуальной культуре своего времени. В **Заключении** сведение этих линий: что, кто и как – позволяет констатировать уникальность такого образования, как Приютинское братство, при одновременной несомненной принадлежности его культуре своего времени. Попытки Приютинского братства вписать себя в существующие практики идейных и дружеских союзов, их стремление объяснить себя на понятном своему времени языке оказываются тщетными. Приютинское братство представляется, скорее, как сообщество, построенное на внутреннем опыте: на общности его и взаимной поддержке в постижении его. С одной стороны, это постоянное движение обеспечивало насыщенность и полноту жизни каждому из членов сообщества, с другой – неповторимость этого пути сделало Приютинское братство уникальным фактом культуры России к. XIX - н. XX вв.

Публикации по теме диссертации:

1. Еремеева С. Приютинское братство // Высшее образование в России. – 2007. - №1. – С. 157-166 (0,8 п.л.)
2. Еремеева С. "Утопическое сознание в России конца XIX - начала XX века и "приютинское братство" // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств — Электрон. журн. — М.: МГУКИ, 2006 — . — № гос. регистрации 0420600016. — Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Yermeeva.pdf>, свободный — Загл. с экрана. (0,8 п.л.)
3. Еремеева С.А. Братья и сестры. «Приютинское братство» как союз мужчин и женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П.Репиной. - №10. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 112-139. (1,5 п.л.)
4. Еремеева С.А. Приютинское братство: встречи с самим собой // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции. / Отв. ред. Л.П.Репина – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 116-118. (0,2 п.л.)

Заказ №719. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Петроруп».

г. Москва, ул. Палиха-2а, тел. 250-92-06

www.postator.ru